

Профессия-режиссер

Раньше Тодд Солондз снимал фильмы о школьных джунглях ("Добро пожаловать в кукольный дом") и педофилии ("Счастье"). Сейчас он выпускает на экраны новый фильм "Рассказать историю" (Storytelling), где речь идет о последствиях резни в школе.

Облаченный в потертые джинсы и серую рубашку, Солондз не похож на человека, который вот уже несколько лет наступает на самые болезненные мозоли Америки. Тем не менее, именно этот 42-летний очкарик снимает фильмы, резко выделяющиеся на общем фоне американского кино, — провокационные трагикомедии о дискомфорте, унижении и конфузе, что наверняка испытывал каждый из нас, но предпочел бы об этом не вспоминать.

Талант Солондза — в умении понять всех своих персонажей. Он заставляет зрителя влезть в душу маньяка и педофила, почувствовать то, что чувствуют они, приближаясь к своей жертве, и облепч смысллом бессмысленные на первый взгляд глупости и жестокости.

Поклонники Солондза ему рукоплещут, противники называют кинораствителем. Сам он полон парадоксов и не пытается кому-либо нравиться. Стоит заговорить с ним о том, что он снимает по настоящему независимые фильмы, и в ответ прозвучит: "Независимые? В Голливуде есть только один независимый режиссер — Стивен Спилберг. Все остальные — зависимые. Только Спилберг может делать все, что он хочет, на любом бюджете, приглашать любых актеров и исследовать любые интересующие его темы. Это и есть настоящая независимость".

Как же тогда называть Солондза? Язык не поворачивается сказать, что он — "зависимый режиссер".

"Ну... называйте меня "вольным стрелком". Вообще я считаю, что разговоры насчет свободы и независимости в кино совершенно бессмысленны. Никто не стесняется моей свободы. Никто не запрещает мне снимать мои фильмы. Они приносят достаточно денег, чтобы профинансировать мой следующий проект".

А как он относится к тому, что за рубежом его фильмы пользуются гораздо большей популярностью, чем на родине?

"Иностранцы почему-то считают, что мои фильмы рассказывают только об Америке, а к другим странам не имеют никакого отношения, —

Жестокость — дело деликатное

Сьюзен ХОУАРД

пожимает плечами Солондз. — Французы были в восторге от "Счастья", пригласили меня на Каннский фестиваль. Я сказал им: "Вы думаете, мои фильмы критикуют только Америку? Все, что в них показано, могло бы происходить и в Европе, и в Азии — в любом обществе, где существуют табу, сексуальные фрустрации, кризис личности и отсутствие нравственных ориентиров". В любом обществе есть запретные темы. Я показываю Америку, потому что хорошо ее знаю. Если бы я жил во Франции — снимал бы про французских маньяков".

В свое время кто-то сравнил фильмы Солондза с мыльными операми, действие которых происходит в преисподней. Действительно, в его фильмах можно проследить мыльнооперные элементы: в них много персонажей, их отношения переплетаются причудливо и гротескно, как в сериалах для домохозяек, где герои переживают самые невероятные приключения.

"Я взращен телевидением, — говорит Солондз. — До 16 лет я жил в Нью-Джерси и по восемь часов в день смотрел по телевизору мыльные оперы и прочую чушь. Только после школы, когда отправился в Нью-Йорк и поступил в киношколу при Нью-Йоркском университете, я открыл для себя великие фильмы великих режиссеров. Наверное, поэтому в моем подсознании остались все клише мыльных опер — только перевернутые вверх ногами. Еще в детстве мне казалось, что под аккуратно подстриженными лужайками перед домиками, где живет средний класс, покоится настоящее кладбище негативных эмоций".

Негативные эмоции выплеснулись и на страницы газет, обсуждавших творчество Солондза.

"Рецензенты буквально сочились ядом и ненавистью, — вспоминает он о реакции на фильм "Счастье". — Я этому не удивился. Если ты показываешь мир с точки зрения педофила, зритель невольно с ним отождествляется, а после сеанса ему становится страшно и гадко. Если ты показываешь девочку, которая влюбляется в человека, угрожающего ее изнасиловать, то, разумеется, в сознании зрителя тоже включаются какие-то новые кнопки. Но если бы я включал эти кнопки только ради скандальности, люди реагировали бы иначе. Они не переживали бы так сильно. А здесь они почувствовали, что это — настоящее. Поэтому им и было так страшно. Поэтому они и открешивались от фильма с такой яростью".

Солондз заранее готов к критическому расстрелу своего нового фильма "Рассказать историю". Фильм делится на две части. Первая, "Вымышленная", рассказывает

об отношениях между студентами и преподавателями в классе писательского мастерства, пронизанном сексуальным и расовым напряжением. Вторая, "Документальная", прослеживает попытки режиссера-документалиста снять фильм о жизни американского школьника и его семьи после перестрелки в школе в городке Коламбайн.

В обеих частях герои сталкиваются с точно такой же критикой, какой подвергался в свое время режиссер. Типичные реплики из фильма: "Почему вы пишете о таких отвратительных людях?" "Это гадкая и неприятная тема". "Вы что же, думаете, что вы лучше всех нас?"

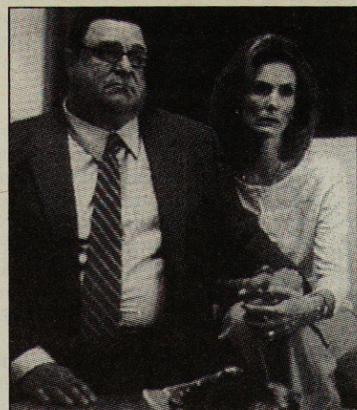
Фильм "Рассказать историю" — попытка поговорить не только о табу, но и о том, как люди на них реагируют. Режиссер говорит, что он много размышлял об этом после выхода "Счастья".

"Я люблю показывать отношения внутри семьи, семейные секреты. Мне нравятся персонажи с изъянами. Я люблю приподнимать вуаль банальности и находить под ней что-нибудь странное. Приятно растормошить зрителя и заставить его задавать себе вопросы. Мне также нравится смешивать жанры. Я снимаю кино в жанре "человеческой комедии" и исследую наиболее опасные и интересные темы. В своих первых фильмах я изучал тиранию наших представлений о человеческой красоте, двусмысленность кровосмесительства. Здесь я исследую тему эксплуатации и манипулирования человека человеком в ходе двух историй, действие которых разворачивается в университете.

Вначале эти истории развиваются по отдельности, потом сливаются воедино. Манипулирование и эксплуатация между учителем и учеником, родителем и ребенком, черными и белыми, любовником и любовницей, молодыми и стариками, знаменитостями и простыми людьми, режиссером и людьми, которых он снимает. Все это по большому счету ужасно похоже. Если первая история имеет слабый привкус искупления, то во второй все заканчивается унижением. Впрочем, мне не хотелось бы расшифровывать мои фильмы. Пусть зрители сами решают, что им показали. Я не моралист, я просто свидетель".

Просто свидетель или жестокой хроникер?

"Все почему-то называют меня жестоким. Но люди путают жестокие вещи, которые происходят между моими героями, и моей личной жестокостью. Думаю, жестокость — факт нашей жизни, часть любого из нас. Никто не хочет в этом признаваться, потому что это неприятно. Но мы каждый день проявляем жестокость по отношению к

окружающим. Я просто пытаюсь запечатлеть на пленку реальное положение дел. Я не делю людей на хороших и плохих. Во всех нас есть и добро, и зло. Наша натура заставляет нас совершать поступки, за которые нам впоследствии бывает стыдно".

Не боится ли он, что кто-то сочтет его фильм оправданием педофилии или воспримет, как руководство к действию?

"Я не понимаю, почему все зациклились только на этой сюжетной линии, — вздыхает Солондз. — Помимо педофила, в "Счастье" есть еще много некорректных вещей: женщины, дерущиеся из-за мужчины, комплексы людей с избыточным весом, убийство, наконец. Но все почему-то запомнили "Счастье" как фильм про педофила. Каждый раз меня спрашивают только о нем".

Солондз признается, что испытывает дискомфорт от своей славы. "Мне пришлось много раз беседовать с журналистами по поводу фильмов "Добро пожаловать в кукольный дом" и "Счастье". Я решил, что на этот раз я откажусь от всех интервью и ни в коем случае не пойду на ТВ. Но все почему-то хотят поговорить о моем ужасном фильме. Меня даже стали узнавать на улицах! Не могу сказать, что это особенно приятно".

Будет обидно, если слава притупит язвительное чувство юмора Солондза и его беспощадную честность. Перед премьерой "Рассказать историю" поговаривали, что режиссер намеревался гораздо подробнее коснуться темы школьной резни в Коламбайне, и исследовать ее так же основательно, как исследовал педофилию. Но в последний момент у режиссера сдали нервы, и он вырезал самые опасные с точки зрения морали сцены.

"Действительно, я снял кое-что непосредственно в этом направлении, — осторожно говорит Солондз. — Но я никогда не планировал показывать саму резню. Я не снимал сцен перестрелки. Я не собирался делать фильм "про Коламбайн". Я не хотел эксплуатировать это трагическое событие".

Значит, в конце концов он все-таки нашел тему, которая стала табу даже для него?

"Нет, при ином раскладе я мог бы снять и это. Но в данном случае такая сцена была бы слишком плакатной и поверхностной, а я не специалист по сенсациям".

● Тодд Солондз
● Джон Гудман и Джули Хэгерти
в фильме "Рассказать историю"

Джон и Джули